
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

O.A. Litzengerger
Migration and Ethnic Stereotypes
(Based on Materials
of Sociological Research
in the Saratov Region)

On the basis of empirical research the conclusion about the level of ethnic phobias is drawn. The role of ethnic migration in the changes is revealed. It is pointed out that in modern Russia there is a threat of xenophobia and interethnic tensions.

Key words and word-combinations: interethnic tensions, xenophobia, tolerance, ethnic migratory communities.

На основе эмпирического исследования делается вывод об уровне этнических фобий. Выявляется роль этнической миграции в данных изменениях. Отмечается, что в современной России угрозу представляет ксенофобия и межэтническая напряженность.

Ключевые слова и словосочетания: межэтническая напряженность, ксенофобия, толерантность, этнические миграционные сообщества.

УДК [325/327:316.34/.35]-316.014(470.44)
ББК 66.4(0).3

О.А. Лиценбергер

МИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Саратовская область, как и многие другие регионы России, в последние годы столкнулась с всплесками этно- и мигрантофобии. Объектом фобий и межгрупповой ненависти со стороны местного населения часто являются трудовые мигранты, выступающие своеобразным раздражителем этнокультурных общественных отношений, а сама миграция становится фактором дестабилизации местного социального поля.

Для трудовых мигрантов Саратовская область – один из самых привлекательных регионов Приволжского федерального округа. С ростом интеграционных процессов эпохи глобализации интенсифицировалось движение рабочей силы, резко возросли масштабы стихийной трудовой миграции из стран Центрально-Азиатского региона. Внешняя миграция в область осуществляется прежде всего из приграничного Казахстана, через кото-

рый проходят миграционные потоки из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Коэффициент миграционного прироста в области выше, чем в других регионах Поволжья.

Несмотря на то что с 2013 г. Управлением миграционной службы организуются адаптационные курсы для мигрантов, в области до сих пор отсутствует центр, необходимый для размещения трудовых мигрантов. В регионе наблюдаются тенденции, свидетельствующие об ограничении социально-профессиональной роли трудовых мигрантов повышением требований к их профессиональным качествам. По вопросам несоблюдения или нарушения миграционного законодательства в 2013 г. к Уполномоченному по правам человека в Саратовской области поступило 78 обращений от мигрантов, проживающих в регионе [1, с. 74].

Отсутствие четких адаптационных установок самих трудовых мигрантов, с одной стороны, и низкий уровень толерантности принимающего населения, с другой, становятся дестабилизирующими факторами этнополитической ситуации. Опасения и страхи, состоящие из тревожности, которые сегодня преобладают среди населения, в значительной степени связаны с этническими проблемами, с «угрозой захвата ресурсов и рабочих мест мигрантами», конкуренцией на рынке труда, возможностью этнических конфликтов.

Изучению общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе было посвящено специальное исследование, проведенное нами в мае – июне 2014 г., некоторые результаты которого представлены далее. Опрос проводился согласно инструментарию, разработанному Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Исследование выполнено в г. Саратове. Объем выборочной совокупности составил 200 респондентов. Основным методом опроса являлось формализованное интервью (face-to-face). Выборка репрезентативная по полу, возрасту, образованию.

В опросе приняли участие 88 мужчин и 112 женщин. Соотношение опрошенных в целом соответствует последним переписным данным. Итоговый состав опрошенных респондентов примерно схож с этнической структурой населения, особенно характерной для крупных этносов. В целом «этническая картина» базы опроса отражает этнонациональную дифференциацию, так как Саратовская область является одним из самых многонациональных субъектов Федерации, объединяющим более 130 народов [2]. Среди опрошенных русские составили 81%. Этнические миграционные сообщества также представлены в структуре исследования. Одну национальность указали 89% опрошенных, две национальности – 11%.

Более 10% респондентов ответили, что проживают в Саратовском регионе менее десяти лет. Согласно данным официальной статистики, коэффициент миграционного прироста в области выше, чем в других регионах Поволжья. Миграционный прирост (7115 человек за 2013 г.) наблюдался в последние годы в основном за счет стран ближнего зарубежья.

В миграции с другими регионами России Саратовская область является донором: жители области переезжают в Москву и Санкт-Петербург, Краснодарский край, Самарскую и Воронежскую области, что нашло свое подтверждение в ответах респондентов. Почти половина всех опрошенных указали, что хотели бы уехать в другой регион России на длительный срок или постоянное проживание. Готов-

ность к инновационным изменениям и перемещениям, желание выехать в другие крупные города продемонстрировали в основном респонденты, находящиеся в возрастной категории до 60 лет. 72% опрошенных указали, что не знают языков России и языков соседних государств, 28% знают какие-либо языки, среди них украинский назвали 8% респондентов, армянский – 5%, казахский – 4%, татарский – 3%, чеченский – 2%, табасаранский, белорусский, азербайджанский, чувашский и другие – по 1%. Русский язык является родным у 87% опрошенных.

В ходе опроса анкетерам довелось побеседовать с представителями различных национальностей, родившимися в республиках бывшего СССР или в других регионах России и прибывших в Саратов более одного года назад. Показательно, что некоторые из них сами не только не считают себя мигрантами, но и отрицательно относятся к привлечению трудовых мигрантов в Россию.

Наибольшую сложность для респондентов представлял сам термин «мигрант». Многие опрошенные сразу после обозначения темы опроса выражали резко негативное отношение к мигрантам, которое ярко прослеживалось на протяжении их ответов на все вопросы. Практически любой ответ сопровождался многочисленными отрицательными оценками в адрес трудовых мигрантов: «гнать их надо», «наши дети еще от них поплачут», «не нужны они России» и другими.

Анкетерам бросилась в глаза следующая интересная закономерность: 70% респондентов при ответе на вопрос о том, как часто они общаются с иностранными трудовыми мигрантами, выбрали варианты ответа «никогда» или «очень редко», однако их оценки трудовых мигрантов были резко отрицательными. Напротив же, общающиеся с мигрантами ежедневно (8% опрошенных) или каждую неделю (9%) в целом оказались более толерантными. Действительно, как отмечают современные исследователи, основную проблему в сфере миграционных процессов на территории Саратовской области представляет наличие устойчивых дискриминационных практик и высокий уровень интолерантности местного населения по отношению к мигрантам [3, с. 38].

В качестве гипотезы предположим, что экономическая составляющая является особо значимой для населения, а оценка опрошенными собственного материального положения влияет на направленность общественно-политической активности, конфликтность отношений различных акторов в целом. Проверка данной гипотезы возможна благодаря анализу полученных данных.

Подтверждением того факта, что экономическая составляющая имеет важное значение, служат следующие данные, полученные в Саратовской области. Более толерантными являются респонденты, имеющие в целом позитивное отношение к жизни. Оценивавшие свое материальное положение и собственные перспективы как хорошие, как правило, не выражали резко негативного отношения к мигрантам. Респонденты, оценившие собственное материальное положение как «затруднительное» или «тяжелое», в целом чаще были готовы поддержать пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов, тогда как из лиц с хорошим материальным положением приняли бы участие в таких акциях только 3%. Таким образом, в современном мире, когда процессы имущественного расслоения ускоряются, роль экономического фактора становится основополагающей как в отношении к мигрантам, так и в эскалации этнической напряженности.

Некоторые респонденты напрямую связывали отсутствие у них хороших перспектив со своей национальностью и отмечали к себе негативное отношение. Например, одна из опрошенных, армянка 47 лет, привела несколько примеров собственной дискриминации, в том числе невозможности трудоустройства и указала, что основной причиной этого является ее национальность, а также то, что она говорит «с сильным акцентом». 6% опрошенных отметили, что испытывали дискриминацию из-за языка, 8% из-за национальности, 4% из-за религии.

Неготовность и нежелание местного населения к активизации интеграционных процессов подтвердили и ответы на следующие вопросы. Меньшинство респондентов (22%) положительно отнеслись бы к использованию малоквалифицированного труда мигрантов в жилищном хозяйстве. Действительно, в последние годы в крупных промышленных центрах области (Саратов, Балаково) и приграничных территориях отмечается оформление «мигрантских» ниш занятости [4, с. 59], хотя в современной России мигранты составляют конкуренцию местному населению лишь в некоторых сферах, а местные жители отказываются от работы, которую зачастую выполняют мигранты. Однако треть опрошенных отнеслись бы к найму мигрантов в жилищное хозяйство отрицательно. Например, дворник (мужчина, 43 года) при ответе на этот вопрос увидел прямую угрозу потери своего рабочего места: «А я что тогда буду делать?».

Местное население понимает, что немногими свободными сегментами рынка труда оказались места низкоквалифицированной и плохо оплачиваемой работы для мигрантов. Фактически с середины 1990-х годов в России наблюдается феномен расколотого рынка, при котором высокооплачиваемые работники стремятся ограничить приток в свой сектор рынка дешевой «этнической» рабочей силы [5, с. 6]. Так, многие респонденты, высказавшие положительное отношение к использованию труда мигрантов в жилищном хозяйстве, все же были против использования труда мигрантов в качестве младшего медицинского персонала в поликлиниках и больницах, а также в качестве охранников школ или детских садов (более половины всех опрошенных).

Превалирование негативных этнических стереотипов, основанных на искажениях общественного сознания, мифах и слухах, их распространение в СМИ и в повседневном дискурсе местного населения подтверждает и тот факт, что практически половина всех опрошенных считают, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей, хотя, согласно статистике, уровень безработицы во многих регионах России остается рекордно высоким, а весь поток приезжих в Россию, включая общероссийскую и международную миграцию, составляет всего лишь 1,5% от общей численности населения [6, с. 196–197].

Низкая толерантность принимающего населения проявилась и при ответе на вопрос о необходимости ограничения приезда мигрантов из соседних государств. Более половины всех опрошенных считают, что необходимо ограничить приезд мигрантов прежде всего из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана и Китая. Хотя по отношению к Китаю встречались и ответы «не ограничивать», с пояснением «так как они нас одевают и обувают». Чуть менее негативную оценку получили выходцы из стран Закавказья: Грузии – 45%, Южной Осетии и Армении – 41%, Абхазии – 39%.

У многих респондентов превалировало стремление к унификации («нам

никто не нужен»). Большинство опрошенных оказались не способными к дифференциации мигрантов по этнокультурным маркерам («никого не пускать»). Многие респонденты давали в целом негативную оценку представителям кавказских народов, считая мигрантами всех лиц неславянской национальности, даже проживающих в Саратове во втором и третьем поколении.

Ряд исследователей утверждают, что подавляющее число респондентов ассоциируют мигранта с «лицом кавказской национальности». Согласно результатам исследования, проведенного Г.В. Витковской, ориентировочная численность нелегальных мигрантов среди национальных меньшинств из Кавказского региона на территории Саратовской области достигает 12,5 тыс. человек, а официальная статистика показывает, что основным регионом исхода мигрантов в Саратовский регион являются республики Средней Азии и Казахстан [7, с. 67]. Однако, по результатам проведенного опроса, за ограничение приезда мигрантов из соседнего с Саратовской областью Казахстана высказалось лишь 26% опрошенных.

Само понятие «мигрант» («трудовой мигрант») многими ассоциировалось с нелегальной трудовой миграцией, в связи с чем и возникало в целом негативное отношение к теме опроса. У многих опрошенных мигранты ассоциировались именно с жителями Закавказья и Средней Азии, а отнюдь не с Белоруссией, Украиной или Молдавией (за ограничение высказались 8; 27 и 29% соответственно). Опираясь на подобные исследования, проводившиеся в регионе, важно отметить, что большинство жителей города не в состоянии визуально, опираясь на фенотип, идентифицировать представителя той или иной этнической группы: 7% опрошенных высказались за ограничение любых мигрантов без их дифференциации.

Данные, полученные в результате проведения опроса в Саратовской области, коррелируют с опросами крупнейших социологических центров. Так, опрос «Об отношении россиян к людям разных национальностей и о межнациональных отношениях», проведенный Фондом общественного мнения в июле 2012 г., показал, что почти две трети россиян выступают за ограничение въезда представителей некоторых национальностей в их регион; при этом чувство неприязни по отношению к людям других национальностей испытывает пятая часть опрошенных [8].

Наличие этноцентричного восприятия взаимоотношений «мигрант – местное население» и страх автохтонного населения перед мигрантами подтверждает и мнение 40% опрошенных о том, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Опрос в очередной раз доказал, что респонденты зачастую руководствуются эмоциями и устоявшимися стереотипами, что подтверждает ситуация, описанная одним из анкетеров. При ответе на этот вопрос женщина с высшим образованием, судья мирового суда (!), не задумываясь, произнесла «да». На следующий вопрос, заданный ей с нескрываемым интересом как профессионалу «У Вас есть статистические данные?», она, также не задумываясь, ответила: «У меня ни статистики, ни таких дел, но никакой статистики тут не нужно, об этом все газеты пишут». Второй респондент, дворник, мужчина старше 60 лет со средним специальным образованием, выбрал вариант «затрудняюсь с ответом», указав на то, что не знает конкретной статистики.

Не случайно современные исследователи отмечают, что одной из лексем,

прочно вошедших в общественное сознание, является термин «этническая преступность», не существующий в российском законодательстве, однако активно используемый в последнее время, как в средствах массовой информации, так и в различных научных трудах. Этностереотипы становятся заметными и закрепляются посредством масс-медиа на уровне массового сознания [9, с. 43].

Так, социологический опрос, проведенный нами в октябре 2012 г., был призван установить взаимосвязь в сознании жителей области между ростом числа мигрантов и уровнем преступности. Анализ ответов подтвердил первоначальную гипотезу исследования о наличии тесных параллелей между этими понятиями в общественном сознании. Вариант ответа «да, между этими явлениями существует прямая взаимосвязь» выбрали три четверти всех опрошенных.

Действительно, на бытовом уровне стереотипы об «этнической преступности», совмещаемые с антимиграционными настроениями, пронизывают общество и становятся повседневной реальностью. Таким образом, в сознании большинства опрошенных не укоренен ошибочный образ о том, что та или иная этническая группа или даже в целом народ – преступен. С помощью информационных технологий в массовом сознании распространяются негативные этнические идеологемы, вырабатываются стереотипы. Ксенофобия проявляется в форме публичных высказываний представителей власти разного уровня, инициирующих или прикрывающих антимигрантские настроения. Что касается последних конфликтов, произошедших в Саратовской области и получивших в местных СМИ окраску «национальных», силовыми структурами было установлено, что большинство данных конфликтов «были основаны не на этническом факторе, а являлись следствием хулиганских действий лиц различных национальностей на почве употребления спиртных напитков и бытовых конфликтов» [10].

Однако в СМИ чаще всего конфликты с бытовыми причинами, участники которых группировались и формировали сторонников по признаку этнической принадлежности, получали клеймо национальных. Так, с помощью характеристик, вызывающих отрицательные эмоции, формируется криминальный и негативный образ мигрантов и представителей национальных меньшинств.

Проведенным исследованием подтверждается отсутствие у определенной части местного населения по отношению к мигрантам доверия и толерантности, обеспечивающих взаимную интеграцию. Высокий уровень мигрантофобии не может не порождать агрессивных настроений и конкретных действий в отношении мигрантов. Так, пикеты или акции против мигрантов поддержал бы каждый шестой опрошенный, дополняя свои ответы пояснениями «да, так как они все заполонили», «их так много», «да, так как надо заботиться о русских», «азиатов слишком много» и другими.

Половина всех опрошенных все же согласны с необходимостью обучать мигрантов и их детей русскому языку в специализированных центрах. К сожалению, в современных российских регионах отсутствует работа местных органов власти и общественных организаций, направленная на разъяснение необходимости создания подобных центров. Однако 40% опрошенных считают, что в специальных центрах мигрантам следует предоставлять юридическую помощь, лечение, информацию для поиска работы, возможность повышения профессиональной квалификации.

Часть респондентов высказали собственное мнение. Так, один из опрошенных выступил против создания специальных центров для мигрантов, указав на то, что «не нужно создавать искусственные условия, это неперспективно» (мужчина, 27 лет). Другой опрошенный, напротив, предложил целую концепцию создания подобных центров, рассказав о существовании подобного опыта за рубежом и в России и указав на крайнюю необходимость для мигрантов таких центров, которые должны стать «центром одного окна» (мужчина, 60 лет). Положительные ответы были нередкими: «такие центры нужны как можно быстрее» (женщина, 43 года), «такие центры обязательно нужны, без них мигрантам очень тяжело» (мужчина, 56 лет), «раз их пустили в страну, то и учить придется и помогать им всячески» (женщина, 37 лет), «центры нужны, я знаю их проблемы не понаслышке, к ним часто относятся негуманно» (женщина, 42 года), «власть не хочет создания специальных центров, не хочет помогать мигрантам, сама на себе это испытала» (женщина-мигрантка, 60 лет). Встречались и противоположные мнения: «для коренного населения такие центры нужнее, чем для мигрантов» (женщина, 26 лет), «такие центры должны находиться на особом режиме, не в ущерб основному населению».

Анализ имеющихся данных позволяет сделать ряд выводов, значимых для понимания природы массовых настроений, общественно-политической активности россиян и характера потенциальной конфликтности. Так, мужчины чаще общаются с трудовыми мигрантами (практически ежедневно общаются с мигрантами 20% мужчин и лишь 4% женщин), однако женщины по сравнению с мужчинами являются более толерантными. Например, больше женщин стали бы участвовать в благотворительных акциях для нуждающихся, если бы они проводились в миграционных центрах, а также идею обучения мигрантов русскому языку поддержали 63% опрошенных женщин и только половина респондентов-мужчин.

Что касается различий в ответах среди возрастных групп, то наиболее толерантной является группа респондентов в возрасте от 30 до 59 лет. Такие респонденты в среднем в два раза чаще, чем опрошенные в возрастных группах до 30 лет и старше 60 лет, давали положительные ответы на вопросы анкеты. Так, воспользовались бы услугами миграционного центра для решения собственных проблем около трети всех опрошенных в возрасте от 30 до 59 лет и менее 20% респондентов в возрастных группах от 18 до 29 и от 60 лет и старше.

Опрос подтвердил гипотезу о том, что экономическая ситуация является одной из базовых детерминант массовых настроений и в быту, и в общественно-политической активности. Сопоставление приведенных данных позволяет говорить о непосредственном влиянии оценок собственного материального положения на готовность населения принимать участие в акциях протеста. На формирование оценок трудовой миграции оказывает влияние эмоционально-психологическое состояние населения российских регионов. Так, более двух третей респондентов с тяжелым материальным положением считают, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения, и менее трети респондентов с хорошим материальным положением ответили на данный вопрос положительно.

Анализируя взаимоотношения жителей города с мигрантами, их позиционирование по отношению к «своим» и «чужим», можно отметить следующее: низкая толерантность принимающего населения и рост конфликтного потенциала про-

явились при ответах респондентов на многие вопросы анкеты. Оценки, даваемые мигрантам респондентами, отличались коренным образом: от категоричного «они не работники, они ничего не умеют» (женщина, 74 года), «они все заполонили, их так много» (женщина, 73 года) до восторженного «они все умеют, а русские – лентяи и пьяницы», «они моей дочери строили дом, очень хорошо, и им надо помогать» (женщина, 72 года), «они убирают очень чисто» (женщина 72 года), «я с ними работала, пусть живут спокойно» (женщина, 72 года).

Полученные данные сопоставимы с материалами других опросов, проведенных в регионе в последние годы, например с материалами исследования «Межнациональная ситуация в Саратовской области», проведенного в Саратове в феврале 2011 г. информационно-аналитическим центром Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ среди населения в возрасте старше 18 лет, и опросом, проведенным нами в конце 2012 г. Согласно данным указанных опросов количество людей, отмечающих существование межнациональных конфликтов, возросло с февраля 2011 г. до октября 2013 г. в 13 раз. Если в феврале 2011 г. вариант ответа «межнациональных конфликтов в области не существует» выбрали более 32% респондентов, то в октябре 2012 г. так ответили лишь 2% опрошенных [11, с. 65].

Результаты проведенного социологического исследования фиксируют наличие «конфликтного потенциала» в общественном сознании. В настоящее время этноконфессиональная ситуация в Саратовской области стабильная, хотя по ответам значительного количества респондентов ощущается латентная напряженность. Проведенный опрос доказал, что важнейшим фактором, влияющим на обострение межэтнических отношений, является миграция, которая может стать причиной возникновения межэтнических противоречий. Согласно данным опроса относительная стабильность межэтнических отношений в Саратовской области является инерционной и может быть в будущем нарушена всплесками мигрантофобии, этнической агрессивности и конфликтами.

Таким образом, настоящее исследование подтверждает, что процесс формирования в общественном мнении современных россиян этнической толерантности тормозится разнообразными предрассудками и негативными стереотипами. Общество находится под влиянием мигрантофобии, приводящей к росту общественно-политической напряженности и усилению дискриминации тех мигрантов, которые обладают этническими, языковыми и культурными особенностями.

Библиографический список

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Саратовской области в 2013 г. Саратов, 2014.
2. Территориальный орган Федеральной службы статистики по Саратовской области. URL: <http://srtv.gks.ru>
3. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.
4. Тарская О.Ю., Африкантов К.П. Социально-экономические последствия изменения этнической структуры населения региона в результате миграции (на примере Саратовской области) // Вестник ПАГС. 2013. № 1 (34).

5. Солдаткин А.А. Условия интеграции инокультурных мигрантов в полиэтническую среду регионального сообщества // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 1 (2).
6. Степанов В. Демографическая и социальная картина России: итоги десятилетия // Вестник российской нации. 2011. № 4–5.
7. Витковская Г.В. Миграция и миграционная ситуация в Саратовской области: мат-лы исследований / ЦЭПРИ ИС РАН. М., 2003.
8. Фонд общественного мнения: [Официальный сайт]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo>
9. Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 11.
10. Официальный сайт МВД по Саратовской области. URL: <http://64.mvd.ru/news>
11. Лиценбергер О.А. Межнациональная ситуация в Саратовской области в восприятии молодежи // Вестник ПАГС. 2013. № 1 (34).

M.V. Usova, T.P. Fokina
Modern Social Practices
of City Image Management
in a Network Society

Social and philosophical analysis of city image management is presented. It is shown that in a network society image and brand of the city are formed and change due to new social practices: territorial initiatives, prestigious events, harmonious actions of communities, and social networks activities. Management of image acts as social professional interaction.

Key words and word-combinations: network society, image of a city, brand of a city, communities, interests, management, image.

Представлен социально-философский анализ управления имиджем города. Показано, что в сетевом обществе имидж и бренд города формируются и изменяются благодаря новым социальным практикам: территориальным инициативам, престижным событиям, слаженным действиям сообществ, деятельности в социальных сетях. Управление имиджем выступает как социальное профессиональное взаимодействие.

Ключевые слова и словосочетания: сетевое общество, образ города, бренд города, сообщества, интересы, управление, имидж.

УДК 316.354:351/354
ББК 60.561.1

М.В. Усова, Т.П. Фокина

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ИМИДЖЕМ ГОРОДА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Внимание к имиджу города (и его бренду) является свидетельством зрелости местного сообщества и эффективности его властных структур. Имидж становится объектом управления, его выявляют, формируют, изменяют, продвигают. Активную роль в этом играет искусство: город стремится «упаковать» себя таким образом, чтобы появилась возможность говорить о том, что он имеет определенный образ, имидж, бренд. Не менее важны и технологии «продвижения» города специальными средствами связей с общественностью.

Следовательно, в управлении имиджем города важен учет четырех обстоятельств: 1) образ города; 2) актуальные художественные и культурные практики по «упа-